

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ПРОШЛИ XVI «СРЕТЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

20 февраля 2010 г. на XVI ежегодную научную конференцию студентов и молодых преподавателей «Сретенские чтения» в СФИ собралось более 160 человек из 19 городов России, Белоруссии, Молдавии и США. Свои доклады представили студенты девяти учебных заведений. Работу конференции освещал православный телеканал «Союз».

Открывая конференцию, проректор Свято-Филаретовского института Д.С. Гасак, обращаясь к преподавателям и студентам СФИ, а также к гостям, отметил давние добрые отношения Института с представителями высших духовных и светских учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Минска и других городов. Он передал традиционное привет-

ствие ректора СФИ проф.-свящ. Георгия Кочеткова: «Для нас всегда большая честь и радость проводить эту конференцию в своих стенах. Но самое главное — это наше общее продвижение вперед по пути служения Богу и людям, ближним нашим, и церкви нашей, и всем тем, кто ищет Бога и стремится в жизни своей жить по-Божески и по-человечески».

Пленарное заседание открыл доклад преподавателя СФИ, сотрудника и преподавателя тверского филиала РГГУ Л.В. Крошкиной «Проблемы языка гомилетической проповеди в традиции церкви». В своём сообщении Лидия Владимировна поставила проблему качества и соответствия жизни современной внутрицерковной проповеди. Еще в начале XX в. многие бого-

слова говорили о кризисе проповеди, а на Поместном соборе 1917–18 гг. этот вопрос был одним из центральных. Согласно определению Собора, проповедовать в церкви следует как можно чаще, и это могут делать не только дьяконы и священники, но и благочестивые миряне. При этом проповедников необходимо готовить. На вопрос, как это делать, докладчица ответила, что это возможно только на живых примерах. Л.В. Крошкина также отметила, что поскольку проповедь — это всегда непосредственное взаимодействие проповедника и собрания, то её проблемы невозможно решать вне экклезиологического контекста, т.е. вне проблем собрания, в котором эта проповедь звучит. Поэтому разговор о качестве проповеди — это разговор не только о подготовленности проповедника, но и о подготовленности слушающих его.

Экклезиологическую тему продолжил в своём докладе «Рецепция экклезиологических воззрений протопр. Николая Афанасьева в богословской мысли второй половины XX в.» студент СФИ Н.В. Клюев. Одним из ключевых постулатов протопр. Николая он назвал определяющую роль Евхаристии во внутреннем устройении церковной жизни. При этом он подчеркивал, что хотя в церкви и может быть иерархия даров и служений, они не отличаются по своей природе большей или меньшей благодатностью. Пространство Церкви в этом смысле не знает никакого разрыва, и в церковном собрании нет посвященных и непосвященных: все крещенные члены Церкви составляют единый народ Божий.

Окончание на с. 3

ЛЮДЕЙ, ХОРОШО СОЗНАЮЩИХ СВОЮ ЭПОХУ, СВОИ КОРНИ, В КАЖДОМ НАРОДЕ БЫВАЕТ НЕМНОГО

Интервью со свящ. Георгием Кочетковым в связи с юбилеем С.Ю. Юрского

Анна Ашвева: Отец Георгий, Сергей Юрьевич Юрский уже много лет участвует в жизни Содружества и института. Являясь членом Попечительского совета института, он выступает с докладами на конференциях, бывает на актовых днях и даже принимает участие в поездках института. Что бы Вы могли сказать о его участии в нашей жизни? Что, с Вашей точки зрения, он вносит в жизнь Содружества и Института?

Свящ. Георгий Кочетков: Прежде всего, хотел бы сказать, что я и все сотрудники Свято-Филаретовского православно-христианского института и Преображенского содружества малых православных братств, все мы очень рады тому, что имеем такое счастье — постоянно общаться с замечательным нашим современником, Сергеем Юрьевичем Юрским. Конечно, общение с ним всегда интересно, потому что оно не шаблонно, не стандартно. Он всегда высказывает какие-то собственные, продуманные, прочувствованные, часто пережитые глубоко в сердце, мысли. Я думаю, что сама профессиональная деятельность Сергея Юрьевича дает ему возможность обращаться к самым глубинам, к вопросам о жизни, осмысливанию современности, прошлого и размышлению о нашем будущем. Все это очень близко всем нам, для нас очень важен этот свежий взгляд. Взгляд, с одной стороны, как бы с позиции человека опытного, очень умного, человека творческого, а с другой стороны, взгляд изнутри. Сергей Юрьевич очень близок нам по

духу, и такие люди, как он, не бывают базисными.

Мы рады, что наши отношения продолжают развиваться, несмотря на возраст, несмотря на быстро текущее время, несмотря на огромную занятость Сергея Юрьевича. Я думаю, что его вклад в нашу жизнь — выдающийся. Мы всегда с большим вниманием относимся и к его спектаклям, и вообще к его творчеству: его книгам, его слову, его выступлениям. Даже когда хочется в чем-то не согласиться, когда у Сергея Юрьевича иногда проскакивают какие-то нотки, с нашей точки зрения, излишне пессимистические — все равно это всегда интересно, это всегда полезно, это творческий диалог. Это наша общая духовная жизнь, общение в любви Христовой и вере.

Анна Ашвева: Отец Георгий, а можно ли сказать, что творчество Сергея Юрского имеет значение и для церкви в целом? И каково это значение?

Свящ. Георгий Кочетков: Думаю, что да. Наверное, то, что так важно для нас, о чем я только что говорил, может быть важным и для всей церкви. С одной стороны, сам Сергей Юрьевич, безусловно, питается духовными соками этого великого древа, возрастающего до небес, в котором укрываются птицы небесные, а с другой стороны, и это древо питается подобными людьми — просвященными и, еще раз подчеркну, творческими. Не так много бывает таких людей в каждой стране, в каждом народе. Не так много людей, хорошо сознающих свою эпоху, свои

корни, понимающих всю противоречивость своего времени. Эти качества обретаются годами, обретаются целожизненно, поэтому значение Сергея Юрьевича для церкви не может быть (точнее сказать, не должно было быть) оценено слишком скромно. Думаю, что церковь всегда должна быть готова поддержать всякое явление духа, всякое явление смысла. Другое дело, что всегда есть те, кто в церкви более готов, и те, кто менее готов, здесь однородности нет и быть не может. Для этого мы и вступаем в глубокое общение, для этого мы и ведем внутренний диалог — как раз чтобы найти лучшие пути для раскрытия того духовного потенциала, который Господь дает каждому человеку, тем более такому человеку, каким является Сергей Юрьевич Юрский.

Анна Ашвева: Отец Георгий, что бы Вы хотели пожелать Сергею Юрьевичу к 75-летию?

Свящ. Георгий Кочетков: Мои пожелания, прежде всего, относятся к духовной стойкости, к духовной крепости, к тому, чтобы никакие искушения пожилого возраста никогда не приводили к унынию или к ослаблению того пульса духовной жизни, который так сильно бьется в духовных жилах великого мастера.

4 (110)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

МАРТ
2010

в газете использованы
материалы сайтов sfj.ru и psmb.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

В НОМЕРЕ:

«Обещаю не искать своего»

Такие слова входили в один из обетов, принимавшихся при вступлении в Крестовоздвиженское трудовое братство.
С. 4

Н.Н. Неплюев: новое «обретение»

Опыт неплюевского братства чрезвычайно, жизненно актуален в наше время — время наметившегося после многолетнего «застоя» оживления церковной жизни.
С. 4

Детская вера при взрослении человека должна умереть, ничего с этим не поделаешь

Но главный вопрос — останется ли после этого что-нибудь?
С. 5

Искусство и вера

Народному артисту Сергею Юрскому исполнилось 75 лет.
С. 6–7

Крещение и покаяние

Насколько оглашаемые связывают покаяние, без которого невозможно таинство крещения, с исправлением жизни? На этот вопрос отвечают священнослужители, на приходах у которых есть катехизация для взрослых.
С. 8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и окончание рассказа монахини Евфимии (Пашенко) «До последнего суда»

Принято решение о создании православного Епископского собрания Германии

Православные епископы Германии, собравшиеся на заседании в здании митрополии Румынской православной церкви в г. Нюрнберге 27 февраля, приняли единодушное решение о создании Епископского собрания в Германии (по-немецки — «Orthodoxe Bischofskonferenz in Deutschland»). Тем самым было выполнено предписание IV Всеправославного предсоборного совещания, проходившего в июне 2009 года в швейцарском городе Шамбези неподалёку от Женевы. Это совещание приняло решение о создании новых епископских собраний в ряде регионов мира для урегулирования положения диаспоры, то есть верующих, проживающих вне традиционных границ Поместных православных церквей.

С 1994 года в Германии уже существует общая православная организация — Союз епархий, которая носит название «Комиссия Православной Церкви в Германии (сокращённо: КПЦвГ) / Kommission der Orthodoxen Kirche in Deutschland (KOKiD)». КПЦвГ со своими различными секциями (секцией экуменичес-

ких контактов, секцией школы и преподавания Закона Божьего, секцией контактов с радио и телевидением, секцией контактов со спортивными учреждениями и т.д.) продолжит и дальше свою работу, но уже как исполнительный орган новообразованного Епископского собрания. Тем самым ещё раз подчёркивается, что все православные епархии, представленные в Германии и состоящие, прежде всего, из верующих греков, русских, арабов, сербов, румын, болгар, грузин и украинцев, образуют единую Православную церковь и в качестве таковой в ещё большем согласии друг с другом, чем прежде, действуют посредством общего высшего органа на уровне епископов.

Всеправославное предсоборное совещание обрисовало задачи и цели создаваемого нового церковного органа следующим образом: «Деятельность епископского собрания направлена к выявлению и укреплению единства Православной Церкви, общему папскому служению православным жителям региона и их совместному свидетельству внешнему миру. Решения в епископском собрании будут приниматься на основе консенсуса Церковью, епископы которых представлены в нём».

Председателем нового Епископского Собрания в Германии является ex officio первый из епископов Вселенской патриархии в Германии, митрополит д-р Августин (Лабардакис). Генеральным секретарём Собрания был избран архиерейский советник иподиакон Николай Тон (Рус-

ская православная церковь), занимающий до настоящего момента пост управляющего делами КПЦвГ. Казначеем Конференции стал священник Радомир Колуджич (Сербская православная церковь).

В состав Собрания православных епископов в Германии входят десять епархиальных и шесть викарных архиереев. Они представляют около 1,5 миллионов православных христиан различного происхождения и национальности. Создание новой епископской конференции можно таким образом расценивать как знак удавшейся интеграции Православной церкви в Германии.

Богослов.ru

В новом храме в честь Богоявления Господня г. Нагоя начались регулярные богослужения

В новом храме в честь Богоявления Господня г. Нагоя (Западно-Японская (Киотоская) епархия Японской автономной православной церкви) начались регулярные богослужения.

В первую седмицу Великого поста еженедельные чтения канона прп. Андрея Критского совершает благочинный г. Нагоя священник Георгий Мацусима.

Патриархия.ru

ВЕНТСПИЛСКИЕ ЗАПИСКИ

На первый взгляд, латышское православие мало чем отличается от российского. Но специфика региона придает ему свою напряженность и своеобразие.

Построенный в византийском стиле в конце XIX века кафедральный собор Рождества Христова в Риге обладает одним неприятным свойством — в нем плохо слышно. И даже рядом с чтецом звук превращается в одно о-а-о. Тем не менее, и в будние дни народу в храме немало. Стоят с книжечками, прикладываются к иконам, к мощам сщмч. Иоанна (Померса). Рядом, в национальном художественном музее, в экспозиции появилась картина «Встреча архиепископа», изображающая святого архипастыря. Висят и другие работы, свидетельствующие о духовных поисках художников независимой страны в 30-е годы.

В латвийском равнинном пейзаже, с разбросанными повсюду хуторами, вертикаль кирки смотрится очень органично. Она собирает пространство, напоминает людям о горнем. Но латышский протестантизм сегодня испытывает кризис. И ручеек лютеран течет в православие, которое для латышей тоже вполне традиционно.

Видимо, как реакция на этот процесс, в некоторых лютеранских храмах появи-

лись иконы. Например, в Лиенае в кирхе рядом с рынком на аналое лежит образ Богородицы с Младенцем. Никто, конечно, к нему не прикладывается, но икона есть. На мой недоуменный вопрос служитель ответил лаконично: «Для верующих».

Но верующих в храмах немного. Это касается и православных, и лютеран, и католиков. Скажем, в Вентспилсе, портовом городке с 50-тысячным населением, в храмах трех конфессий собирается по воскресеньям от силы 500 человек. То есть всего один процент. Хотя, конечно, номинальных христиан гораздо больше. В зарубежье религии отведена важная идентификационная роль. Поэтому в православных храмах можно увидеть вполне европеизированных захожан — дам в шляпках, мужчин в костюмах, нарядно одетых детишек. Однако далеко не все русские выбирают веру своих отцов в качестве идентификационного фактора. Скажем, поэт Сергей Морейно предпочел не русскую «половинку», а польскую «четвертинку» своей крови, крестился в католическом храме. Жест к Западу.

С другой стороны, на проблему идентификации сильно влияет языковой фактор. У католиков и лютеран большинство служб проходит на латышском, а многие местные русские его до сих пор не знают. Польшня между двумя народами. Это факт.

Богослужебный латышский звучит и на православных службах, но немного: отдельная молитва, ектенья. Впрочем, есть общины, где богослужение совершается почти полностью на латышском языке. Об этом рассказал автору этих строк настоятель вентспилской церкви св. Николая о. Вадим Демченко, который окормляет одну из таких общин.

Сам о. Вадим занимается миссионерской работой, регулярно проводит в храме богословские собеседования, которые на практике сводятся к чтению вслух душеполезной литературы и ответам на вопросы прихожан. Церковь стоит в лесах, идет поновление куполов, ремонт кровли, хотя денег в обрез, а помощи от государства нет. Одна надежда на благотворителей.

Вентспилский приход имеет давнюю и богатую историю. Здесь до Второй мировой войны настоятельствовал о. Георгий Тайлов, активный участник Псков-

ской миссии. После него общину одно время окормлял о. Иоанн Гарклавс, будущий епископ Рижский, чья судьба связана с Тихвинской иконой Божьей Матери. Резной иконостас, восстановленный в 20-е годы русскими беженцами, напоминает нам об ушедшей жизни:

*Церковь белых эмигрантов
что осталось — не осталось
два штыка в живот буржую:
близко родина моя
и стоят суда у мола
ритуал воспоминанья
по-латышски ектенья*

Вообще тема памяти в латышском обществе оказалась гораздо более востребованной, чем в российском. Не случайно во многих городках Латвии появились филиалы Музея оккупации, посвященного не только годам фашистской оккупации, но и сталинским репрессиям, где можно найти списки всех репрессированных в том или ином регионе, увидеть старые фотографии, вещи. Можно, конечно, спорить, стоит ли вывешивать рядом портреты Гитлера и Сталина, ставя их, таким образом, на одну доску, как это сделали в рижском музее. Но дело ведь не в сравнении двух монстров и двух систем, а в покаянии. Неслучайно тема репрессий порой возникает и в приходской проповеди, приуроченной к церковному календарю.

А вот что касается внутренней церковной жизни, то тут немало вопросов. Кисло все-таки. Не видно каких-то духовно значимых точек притяжения. Давно нет старца о. Тавриона (Батозского), и не устремляется поток страждущих в тихую Спасо-Преображенскую пустыньку под Елгаву. Архимандрит Виктор (Мамонтов) в Карсаве ушел в молчание, чуть ли не в затвор. И хотя к нему по-прежнему приезжают его духовные чада — не только из Латвии, но и из России и других стран, уже не видно плодов той кипучей деятельности, которой отличался приход св. Ефросинии Полоцкой в былые времена: ни больших летних детских лагерей, ни многочисленных паломников. Тише гораздо стало.

Вот и едут некоторые латыши в поисках духовных основ в Россию. Одну такую сестру из Риги я увидел в Москве на встрече студентов и выпускников Свято-Филаретовского института. Как раз после возвращения из Латвии.

+
*Начало поста за границей
В портовом, заснеженном городке
Толстой, старопечатной страницей
Служба тянется, свечка тает в руке.
Бабушки пух и дамы-квадратики
Мужчины-спички, углы носов
И это — род избранный, харизматики
Освобождаются от оков
Не к совершенным пришел Господь
Преобразится и наша плоть*

+
*Что такое
касание к последним вещам
без пафоса и нажима
в режиме обыденной жизни?
Или быт совсем запрещен?
И только огонь
символы его,
вроде пайки хлеба
блокадного Ленинграда?
А если просто большое горло
И все равно
ребенка в садик вести
и на работу к вострой
условный конвейер
и он же, смею думать,
корабль —
бесконечности последней навстречу.*

+
*Всегда радуюсь
когда вижу морскую даль
вчера
солнце говорило со льдинами
а сегодня
волна разбивает остатки припая
небо брызнет весенним лучом
и сомкнется
на море ветрено и свободно
оно как бы открывает
пространство в душе
и оставляет зазор
между бытием
и быванием*

+
*Тропа через дюны
к побережью
всегда пробита
даже когда метель
и вот что интересно:
не только туристы ходят
но и местные.
Выйдут — и смотрят вдаль.
Вентспилс
глядит на море.*

Борис Колымагин
Дом писателя и переводчика
в Вентспилсе, февраль 2010

Обещаю не искать своего

Мы публикуем фрагмент документа, включенного в одну из книг серии «Беседы о братстве»¹. Это некоторые из обетов, принятых при вступлении в Крестовоздвиженское православное трудовое братство.

Вступая в число членов Крестовоздвиженского православного трудового братства, даю на все время моего пребывания в нем следующие обещания².

...8. Обещаю помнить, что радость братского общения — венец подвига, и честно стать на путь трех основных братских подвигов: веры, любви и труда.

11. Обещаю не мириться в себе с гордостью, злобой, ленью духовной, холодностью и равнодушием, а непрестанно стремиться возрастать в любви, в разуме и бодрой деятельности на пользу дела Божия и братьев во Христе.

12. Обещаю быть воздержанным в пище, питии, довольствоваться скромной, недорогой одеждой и обстановкой для себя и для семьи моей; не курить.

13. Обещаю везде и всегда соблюдать достоинство человека и христианина; не лгать, не пустословить, не впадать в грубое шутство, не только не сквернословить, но тщательно избегать всякой грубости и пошлости как в словах, так и в поступках.

14. Обещаю везде и всегда стараться быть достойным имени чада Божия и члена православного Трудового братства, вести себя скромно, просто, с достоинством, быть правдивым, доброжелательным, приветливым, уважительным и учтивым.

17. Поступая в Трудовое братство не ради материальных выгод своих или своей семьи, обещаю не искать своего, не продавать братьям за дорожную цену данные мне Богом таланты, каковы ум, физические силы и самую жизнь мою, а даром с любовью отдавать все, что даром получил от Господа Бога, не попрекая братьев и в том случае, если мне кажется, что они недостаточно меня ценят, любят и уважают, с доверием и смирением предоставляя Господу Богу и братьям во Христе оценку моих достоинств и заслуг.

18. Обещаю высоко ценить честь принадлежности к Трудовому братству, быть глубоко и сердечно благодарным братьям, допустившим меня в свою среду и тем доставившим мне и моей семье возможность жить в этом убежище для кротких, где мы ограждены от стольких скорбей и соблазнов.

20. Обещаю, признавая себя ответственным членом Трудового братства, никогда не относиться к братству и братьям в духе недоброжелательного критиканства, а честно и настойчиво стремиться убедить братьев в справедливости моих взглядов и в необходимости устранить замеченное мною зло или осуществить желаемое мною добро, не опасаясь неблагоприятных для меня последствий моей откровенности и настойчивости, признавая такое поведение для себя долгом христианской совести, веры, любви и чести.

21. Относясь с любовью и уважением к иконам, на которых руками человеческими изображены и молитвой и окроплением святой водой освящены лики святых, обещаю помнить, что с тем большим уважением и любовью я должен относиться ко всякому человеку, живому образу и подобию Божию, Самим Богом созданному и многими таинствами освященному, тем более к братьям во Христе, тем более к лицам, которых Трудовое братство, выбрав на ответственные должности, удостоило особым доверием.

23. Зная, как много зла происходит от легкомысленных отношений между мужчинами и женщинами, обещаю обдуманно и честно устанавливать свои отношения ко всем окружающим.

26. Обещаю смиренно и терпеливо переносить и всем сердцем прощать обиды, наносимые мне и близким моим, предоставляя суд и защиту Братству трудовому.

29. Вне Братства обещаю везде и всегда высоко дорожить честью и добрым именем Трудового братства, стараясь поведением своим оставаться его достойным, избегая дурного сообщества и всякого собрания, в котором присутствие члена Трудового братства почему-либо нежелательно.

Материал предоставлен Натальей Игнатович

¹ Второй том этой серии, которую готовит к изданию РИО КПЦ «Преображение», выйдет в свет в апреле 2010 г. Он включает в себя два сочинения Н.Н. Неплюева — «Беседы о трудовом братстве» и «Частное ответное письмо Н.Н. Неплюева на письмо священника Иванова».

² Трудовое братство и школы его. СПб., 1900 г. Братские обеты при поступлении. С. 119–123

Тех из членов Преображенского братства, кто читает Неплюева сегодня, не может не поражать глубокое и полное узнавание описанного им опыта. Почти нет страниц, которые не читаешь будто свои собственные слова — но только сказанные сто лет назад. В мире, где люди так часто оказываются

разобщены и одиноки в одной квартире, за одним столом и даже в одной постели, именно это чудо узнавания свидетельствует нам: даже у тех, кто разделен историческим опытом, социальным происхождением, веками и тысячелетиями могут быть «одна душа и одно сердце» — стоит лишь всерьез, а не на

словах, захотеть и стать достойным Божьим. Конечно, как и всякое чудо, это трудно передать словами — разве что в мифе или в стихах, а не в строчках документов и не в жанре рецензии. Но все-таки мы надеемся помочь нашим читателям сделать шаг к тому, чтобы пережить это самим.

Н.Н. НЕПЛУЕВ: НОВОЕ «ОБРЕТЕНИЕ»

Н.Н. Неплюев. 1877 г.

Увидеть и понять это одновременно и просто, и сложно. С одной стороны, принципы устройства общей и личной жизни, предлагаемые Неплюевым, по-евангельски совершенно просты. Просты и общеизвестны, можно сказать, выведены «по прописям» — но при этом в рутинном сознании людей совершенно неисполнимы! Поэтому многие из недоброжелателей Неплюева неустанно упрекали его в утопизме. Ведь где же это видано в нашем мире, чтобы общая жизнь строилась на евангельских основаниях? Утверждать такое может лишь утопист, наивный романтик или просто не вполне вменяемый человек. Такое сознание насквозь пропитано тогдашнее российское общество — при том, что формальное православие было теснейшим образом вплетено в ткань государственной и общественной жизни. Именно в этой «шизофренической» общественной сознании: формально признаваемая православная «религиозность» — при полном отвержении силы и веры — в саму возможность жизни по вере, Неплюев видит главную причину той самой «рутины», которая покрывала толстым слоем мертвящего праха всю российскую действительность (впрочем, как и жизнь других народов, именовавшихся христианами), под которым задыхается всё живое.

В ответ Неплюев предлагает то, что он называет ясной «логикой веры, действующей любовью». По-учительски он многократно повторяет эти мысли в своих произведениях, поэтому они прекрасно ложатся на ум и память любого читателя. Впрочем, бесполезно некоторые из этих «базовых принципов» привести и здесь. Это всеобщее покаяние в отступлении от «верховного закона христианского Откровения», закона «любви к ближнему в свете любви к Богу»; свободное отдание себя в руку Божью (чтобы мог осуществляться духовный закон совершения силы Божьей в немощи человека); хождение в жизни «верою, а не видением»; воплощение веры в жизни, их «обратная связь» (т.е. жизнь по «вере, действующей любовью»); обретение свободного братского единодушия и единомыслия — в т.ч. и отделением от «злой закваски» (т.е. от тех людей, которые устройством своей жизни полагают в «свободе от Бога», т.е. в жизни по индивидуальным или общественным, принятым в мире сем «похотям сердца»).

Все эти вещи, хотя и звучат совершенно традиционно (хотя бы потому, что практически полностью состоят из слов Священного Писания), могут показаться на первый взгляд немного абстрактными. Ведь они, казалось бы, описывают некие общие принципы, не давая конкретных указаний для устройства личной и тем более общественной жизни. Вдобавок, некоторые из них (например, «отделение от злых») входят в явное противоречие с обыденным представлением о норме христианской «благочестивой» жизни. Однако реальный практический опыт самого Неплюева и — что важнее — опыт его братства свидетельствует не просто о реализуемости этих принципов в жизни, но — по признанию Николая Николаевича — об исключительной благодатности жизни, устраиваемой на этих началах. Более того: эти «общие» принципы дают простран-

ство Духу находить разнообразные конкретные формы воплощения. То, о чём лучшие люди могли только безнадежно мечтать (см. приведенные в начале цитаты), стало реально осуществляться в жизни братства и его членов. Осуществляться не только в его и их внутренней жизни, но и сообщая благодатное действие на окружающих, на церковь и на общество (в этом — один из признаков глубокой подлинной церковности Неплюева и его братства).

Недостаточно сказать, что Н.Н. Неплюев имел горячее верующее сердце. Недостаточно сказать, что он стремился к воцерковлению, евангелизации всех сторон жизни (хотя тогда эти понятия еще только рождались). Недостаточно сказать, что он, судя по его дерзновенному свидетельству, имел настоящий мистический опыт и личное духовное призвание от Бога. Недостаточно сказать, что он был ревнителем настоящего и широкого духовного просвещения. Все эти качества в той или иной мере проявлялись у разных достойных, а подчас и просто святых людей, в том числе его современников. Одним из важнейших его духовных открытий (если не главным) является то, что он по-новому (и одновременно глубоко традиционно) поставил центральные вопросы экклезиологического характера, понудив церковь задуматься об аутентичных основаниях и нормах своей жизни. Поставил, в чём-то предвосхитив здесь блестящую теоретическую разработку экклезиологических проблем в «парижском» богословии XX в. И не просто поставил, но, по наитию от Бога, стал успешно решать, воплощая в практике жизни своего Трудового братства. В частности, одним из таких нелёгких вопросов является вопрос о границах Церкви. Неплюев абсолютно верно понял, что без качественной постановки и решения этого вопроса вряд ли можно говорить хоть о какой-то *совместной, единодушной и единомысленной, жизни* по правде, о каком-то собирании и единении народа Божьего во Христе. Этим продикувано, в частности, его требование покаяния в отступлении от «верховного закона христианского Откровения» (покаяния всеобщего, даже для церковной иерархии!), а также бескомпромиссная позиция в вопросе необходимости «обособления от зла и злых» — то, что тогда, в условиях аморфно-рыхлого и одновременно глубоко стратифицированного, уже вполне классово-антагонистического российского общества, застывшего в шаге от революционной бездны, вызвало недоумение и неприятие. А вопрос о границах Церкви, как мы сейчас понимаем, с неизбежностью ставит вопросы о должной подготовке к вступлению в Церковь и о духовном качестве её внутренней «повседневной» жизни.

Опыт неплюевского братства чрезвычайно актуален в наше время — время наметившегося после многолетнего «застоя» оживления церковной жизни. Диагноз, поставленный свт. Филаретом в середине XIX в., несколько не изменился, если не усугубился. Поэтому любой подлинный опыт, могущий внести лепту в создание системного, целостного видения и понимания образа и нормы жизни церкви в современных условиях, должен быть востребован. Опыт Крестовоздвиженского трудового братства являет собой здесь настоящую драгоценность. Его использование и обязательное широкое и вдумчивое обсуждение могут оказать неоценимую помощь в вопросах разработки и реализации современной концепции реального и действительного *возрождения катехизации и общинно-приходской жизни* в Русской церкви (что, кажется, становится насущной потребностью всё больших слоёв церковного общества). Несмотря на частичные анахронизмы и неизбежные человеческие ошибки, в нём, как представляется, содержится подлинное евангельское, кафолическое, апостольское зёрно. Важно подготовить почву, чтобы дать им прорасти и принести столь чаемый плод.

Максим Дементьев

Фотография предоставлена В.Н. Авадасевым, директором музея «Трудовое братство Н.Н. Неплюева» (с. Воздвиженск, Сузская область)

¹ Один из наиболее комичных случаев дан в рассказе «Несмертельный Голован».

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Детская вера при взрослении человека должна умереть, ничего с этим не поделаешь. Но главный вопрос – останется ли после этого что-нибудь?

Переходный возраст предполагает некоторое движение. Когда глядишь на подростков, это особенно заметно. То они открытые и доверчивые, как дети, то вдруг начинают хитрить, замыкаются, а то вдруг сделают что-нибудь очень ответственное, как будто они целиком взрослые. Одиночество, от которого мы бежим, отчетливо настигало нас всех в том возрасте. Это ни с чем не сравнимое переживание, когда ты стоишь перед огромным миром, уже прекрасно осознавая его огромность, и не знаешь, с какой стороны к нему приступить. Как человек и море. В этот момент от перспектив захватывает дух, но одновременно и страшно, потому что сил вроде бы как нет. И положиться не на что, потому что все ориентиры море уже поглотило.

– ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ СВЯЗАН С КРИЗИСОМ ПЕРЕХОДА ОТ ДЕТСКОЙ ВЕРЫ К ВЗРОСЛОЙ, –

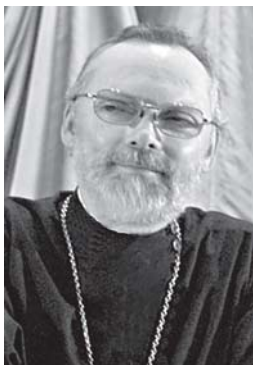
говорит Наталья Чернышева, заместитель председателя Детско-юношеского центра (ДЮЦ) Преображенского Содружества малых православных братств. – Подростки начинают понимать, что они ничего не понимают: ни в храме,

ни в богослужении, ни в самом смысле христианской жизни. Ее содержание вдруг перестает быть для них ясным, они задают себе вопрос: «для чего все это нужно?» – и не могут на него ответить. Период детской веры, веры по доверию к родителям, для них закончился.

Надо признаться, что ясность в сознании подростков пропадает не только по отношению к христианской жизни. Люди становятся взрослыми, и им естественно все начинать сначала. На новом этапе они все проверяют своим опытом – родителей, школу, себя, окружение, друзей, обстоятельства, взгляды, привычки. И это, по утверждению духовного попечителя Преображенского братства свящ. Георгия Кочеткова, абсолютно нормально.

– СЛАВА БОГУ, ЧТО ТАК ПРОИСХОДИТ. ЭТО НЕ НУЖНО ВОСПРИНИМАТЬ КАК ЧТО-ТО БОЛЕЗНЕННОЕ,

– сказал о. Георгий на семинаре, посвященном воцерковлению подростков. – Нормально даже то, что наряду с этим они подвергают сомнению и веру в Бога, и в Церковь, свое присутствие дома или в православном братстве. Это благодатнейшее время, и наша задача не пропустить и не заглушить его, как часто мы делаем из-за страха. Боясь их неправильного выбора, боясь их ошибок (которые случаются часто, и это понятно), мы начинаем заглушать для детей свободу выбора, подкладывать им готовый ответ. Вокруг нас, в том числе и в церкви, много молодых, но безвольных людей, потому что в переходном периоде их лишили возможности самостоятельно и ответственно делать выбор. Тут виноваты мы, потому что слишком опекаем их не только дома и в школе, но и в церкви, и в братстве.

Переходный возраст неминуем. Он, как стихия, захватывает не только подростка, но и всю семью, его окружение. Поэтому взрослым особенно важно попытаться сохранять трезвость и проявлять большую чуткость. Судя по собранному опыту, по отношению подростков к церкви, можно попытаться выделить несколько сценариев поведения, хотя, конечно, каждый конкретный случай всегда уникален. В первом случае молодой человек, подросток продолжает ходить в храм по инерции, стараясь «закопать» свои сомнения поглубже, и постепенно богослужение для него становится все более формальным, а исповедь – тяжелой обязанностью, он больше не в силах открыть на ней всех своих грехов, они остаются нераскаянными.

Другие подростки вдруг наотрез отказываются идти в церковь, участвовать в таинствах, третьи, самые пытливые, начинают задавать вопросы, но в основном – своим сверстникам или тем людям, которым они доверяют. Родительский авторитет в этот период работает слабо, а избранные подростком люди далеко не всегда способны ответить на его вопросы церковно и достойно.

Четвертый вариант – ребенок преодолевает кризис доверия, остается в церкви благодаря очень прочному основанию детской веры и, как правило, сильной душевной привязанности к каким-то конкретным людям, а иногда благодаря собственной духовной чуткости и личному опыту Богообщения.

– Детская вера должна умереть, ничего с этим не поделаешь. Но главный вопрос – останется ли после этого что-нибудь? – отмечает Владимир Иванович Якушев, руководитель Методического центра по миссии и катехизации при Свято-Филаретовском православно-христианском институте. –

ОСОБЕННОЕ ВНИМАНИЕ НУЖНО УДЕЛЯТЬ СОВМЕСТНОЙ МОЛИТВЕ. СЛОВА, КОТОРЫЕ МЫ ПРОИЗНОСИМ, ОЧЕНЬ БЫСТРО ФОРМАЛИЗУЮТСЯ И ИЗ НИХ УХОДИТ ИСКРЕННЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Благодарность – самое ценное, самое простое, что есть в человеческой жизни. Если человека не воспитывать, он вырастает неблагодарным. Когда ты благодаришь, ты становишься человеком. Существует иллюзия, что с людьми легче общаться, чем с Богом. На самом деле, наоборот, с Богом говорить легче, всегда ясно, что Богу сказать, чтобы Его обрадовать. Если человек не молится, он с людьми не общается, он имеет в виду только себя.

Так или иначе, в этот период подросткам для осуществления той самой свободы выбора очень не хватает «видения» духовной церковной среды как среды жизненной, интересной и жизнеобразующей. Чтобы помочь подросткам это увидеть, в Преображенском братстве проводятся встречи подростков со взрослыми членами церкви и верующей молодежью. Например, такие встречи прошли на рождественском выезде для подростков.

– Выезд был направлен на то, чтобы помочь детям разобраться в себе в самом начале кризиса веры, – рассказывает Наталья Чернышева. – Большинству из них кажется, что проблемы с верой и жизнью возникают только у них, и что они

Фото Николая Токарева

совершенно неразрешимы. Подросткам важно пообщаться друг с другом и прояснить некоторые вопросы у взрослых, которым они доверяют, и которые в свое время точно так же переживали этот кризис. Поэтому на выезде состоялась встреча подростков с молодыми членами братства, которым удалось пережить кризис веры и остаться в церкви, в братстве и которые еще ясно помнят этот период испытаний. Мы хотели помочь подросткам получить утверждение в своем уповании. Внутренне ответить на вопросы, связанные с христианством, и соотнести свою жизнь со своей верой. Тема выезда от начала до конца была связана с воплощением: Боговоплощением и воплощением человеком в жизни даров Божьих и своего призвания.

Началось все с путешествия. После литургии у стен Новодевичьего монастыря ребят ждали экскурсионные автобусы. Основная тема беседы – чего стоит воплощение призвания. Говорили об Иване Цветаеве, который совершенно без средств и явных возможностей создал Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина, говорили о Мине и Пожарском, сумевших сосредоточить силы и спасти страну, говорили о старом МХАТе.

Разговор о призвании продолжился на следующий день на встрече с Александром Михайловичем Копировским, искусствоведом, профессором СФИ, кандидатом педагогических наук.

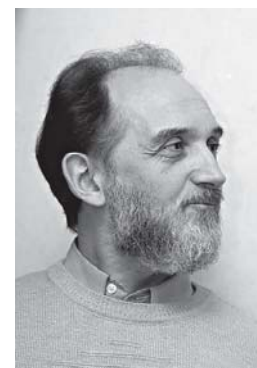
– Мне больше всего запомнилась эта встреча, – рассказала Ксения Морозова, участница выезда, – вообще-то она предполагалась как разговор о Рождестве, но мы очень быстро перешли к призванию. Говорили о том, может ли какая-то профессия, например, профессия футболиста, быть призванием. И как это определить. Лично мне кажется, что призвание – это то, через что ты можешь прославлять Божье имя. Например, если стилист может через свои произведения передать красоту Божьего мира, то это может быть призванием.

Александр Михайлович призвал молодежь к рассуждению, задавая вопросы, на которые может ответить не всякий взрослый с солидным духовным опытом: какой самый лучший возраст для человека? Если у человека есть призвание от Бога, то где же тогда свобода? Как найти то, к чему ты призван?

– Потому что Рождество – замечательный повод подумать о своем призвании. Рождество – это время, когда все изменится. Смотрите: Христос – Младенец

лежит в яслях, потому что Его никто не заметил. Он был никому не нужен, – говорит Александр Михайлович. – А Его призванием было изменить и спасти весь мир. Он должен был прожить Свою жизнь так, чтобы весь мир вздрогнул и сказал: стоп, хватит суетиться.

Но была ли свобода выбора у Самого Христа? Ведь невозможно было Ему стать Спасителем мира, если бы Он не был во всем, кроме греха, таким же, как мы. Да, у Него была свобода выбора, свобода исполнить или не исполнить призвание. Но Христос не убежал от опасности. Ему было страшно, Он скорбел, страдал, но Свое призвание Он исполнил добровольно, а значит – свободно.

На встрече говорили, что человек, прежде определиться по отношению к Богу, твердо знать – Бог есть. Никогда не надо останавливаться в поисках, но нельзя искать лишь то, что нам нравится.

Ведь Бог может каждого из нас спросить: «А ты готов преодолевать трудности, чтобы осуществить свое призвание?» Нам всем надо найти призвание, не только ждать его, но и выходить к нему навстречу. «А как это сделать – каждый человек определяет сам, в своей душе, лицом к лицу с Богом, – сказал в заключение Александр Михайлович. – Настоящее призвание – это трудно. И чем оно лучше, тем труднее. Но искать и исполнять его – дело по-настоящему благодатное, потому что в этом Бог всегда с нами».

Разговор о воцерковлении детей и подростков – долгий. И мы будем возвращаться к нему не один раз. Рождественский выезд помог кому-то из детей актуализировать свои представления о христианстве и христианской жизни, а взрослым еще раз убедиться в том, что несмотря на традиционную сложность подросткового возраста, именно в этот момент возможен переход к новым плодотворным отношениям с людьми и Богом. Произойдет ли это – во многом зависит от нас, взрослых.

Елена Кудрявцева
Информационная служба
Преображенского братства
материал с сайта <http://psmb.ru>

На чьей стороне правда

Сергей Юрьевич Юрский замечательный актёр. Он принадлежит к тому поколению актёров, которое отличалось невероятной точностью и высочайшим качеством игры — и предельной отдачей. Для этого поколения настоящих актёров игра на сцене и в кино являлась главным — так сказать, целью, а не средством к славе и безбедному существованию. Я не знаю, встречается ли это сейчас вообще.

Если покопаться в памяти, можно вспомнить много замечательных ролей Сергея Юрьевича. Мне в первую очередь вспоминаются две роли: импровизатор в «Маленьких трагедиях» Пушкина и Груздев в фильме «Место встречи изменить нельзя». Оба персонажа стоят перед глазами чрезвычайно живо и явственно. Но особенно был важен для меня — и в детстве, и в юности, и сейчас — Иван Сергеевич Груздев.

Сначала я по-детски чувствовал правоту и достоинство этого человека — и бессовестность и беспардонность Жеглова. Жеглов всегда был для меня чужд и неприятен, противен своей самодовольной уверенностью и ограниченным пренебрежением к человеку, своей животной телесностью. Позже, повзрослев, я начал понимать человеческую трагедию героя Юрского, трагедию интеллигентного человека из другой жизни, которому невозможно освоиться в новой жизни, где нет места не только написанному законом уважению своего и чужого достоинства, впитанным с детства нормам априорной невинности человека, но фактически нет места писаным законам. Не действует ничто, что могло бы ограничить распоясавшееся хамство и зло. Юрский играет невероятно точно человека из другого мира, настолько чуждого Жеглову, что тот в принципе не может его понять и внутренне ему враждебен. Конечно, такая игра могла быть только плодом внутренней солидарности с героем, и считывалась зрителем лишь благодаря внутреннему подтексту, который невозможно было тогда произнести публично от своего имени.

Уже сейчас, в последние годы, пересмотрев фильм после чтения Солженицына, трезво представляя, как жила в те послевоенные годы страна, я стал ясно различать «третий слой», явственно и непонятно смело читаемый за очень точно произнесёнными репликами Юрского в роли Груздева. «Перестаньте... Следствие!... Вам бы только человека засадить, а кого — не имеет значения». Все реакции и движения Груздева невероятно уместны и соответствуют правде сталинского псевдоследственного беспредела. Он бросает Жеглову фразу убийственно смелую: «Все эти басни — плод вашего воспалённого воображения». Именно так и было в те времена на почти любом следствии, и, конечно, ясно, что актёры играют фактически не МУР, а вполне прозрачно передают в сценах противоборства Груздева и Жеглова мясорубку НКВД.

Актёр может, используя одни и те же слова, сказать многое — имеющий уши да слышит! — а может не сказать ничего. Сергей Юрьевич говорил. Игра Юрского мне во многом помогла ещё в детстве понять, на чьей стороне. Я его слышал и понимал. Та правда, которая была в его игре, дала мне возможность почувствовать, а потом и понять правду жизни большую, чем кино. Когда Юрский устами Груздева произносит: «Какая чудовищная провокация!..» в ситуации уголовного следствия, не имеющего, казалось бы, ничего политического, эта фраза звучит выбивающейся, неуместной. Но теперь мне кажется, что это сказано в адрес всей советской истории. И, конечно, в жизни всё заканчивалось совсем не так, как в фильме. Если ты попал в руки следствию в те годы, то ты уже не уйдёшь. Следователь заведомо уверен в твоей вине, или, точнее, в том, что ты, такой вот отличный от следователя, должен сидеть в лагере, а ещё лучше — подохнуть. И поэтому намного правдивее финала звучит фраза Груздева, обращённая к Шарاپову: «Если не жизнь мою, то хоть честь спаси».

Максим Шепелявый

Анна Алиева: Сергей Юрьевич, актуальна ли сегодня тема общения?

Сергей Юрский: Я думаю, что это вообще важнейшая тема сегодняшнего дня. Для меня, просто в силу характера, с ней связан прежде всего разговор о потере общения. А для моих друзей, моих необычных знакомых из Свято-Филаретовского института и Преображенского братства это скорее тема необходимости общения. Но то, что и их, и меня она волнует, нас объединяет.

Для меня важно совпадение этой темы с тем, что мы отмечаем очень серьёзную дату — 20-летие пастырского служения о. Георгия Кочеткова*. Если позволите, я начну именно с о. Георгия. Это имя я услышал в середине 90-х годов, когда жизнь церковная стала для меня, актёра, если не частой, то, во всяком случае, регулярной. У меня были и свои тяготения, и свои сомнения, и трудности, и привыкания.

И вот, мне сказали, что есть интересный приход на углу Лубянки и Бульваров и есть что-то там необычное. И имя — о. Георгий Кочетков. Я пришел в этот храм, поразился многолюдству. Да, такое бывает в праздники, скажем — в праздники во всех храмах не протолкнуться, даже подойти трудно. А тут не было никакого особого праздника, была обычная служба. Потом я пришел туда во второй, в третий раз (а у меня это просто в силу моей недостаточной и церковности, и силы веры, и всего того, чего мне не хватает — это все довольно отделено временами). И когда бы я ни пришел, я видел это многолюдство — серьезное многолюдство, порядка тысячи человек.

Я стал различать знакомые лица, мы слегка здоровались, кланялись. И уже на третий, на четвертый раз в разговорах, в паузах, в окончаниях службы, в перерывах внутри неё, в хоровом подхватывании очень многих песнопений и молитв — едином, дружном, я увидел что-то непривычное для меня. И услышал, что эти люди — вообще говоря все — чем-то соединены. Они близкие люди.

Очень важно, когда человек в церкви стоит и целиком внешне — или внешне, и внутренне — воздымает глаза к небу, а остальное для него перестает существовать. Здесь было это. И было другое. Было ощущение, что я среди тех, среди кого хочу быть, и я знаю, кто они, и они знают, кто я. Я тогда еще не понимал, что это такое — община? Это не приход. Слово русское хорошее — приход. Те, кто приходят. Но по-церковному это значит — постоянно приходят.

Община — это нечто большее, чем приход. По слову; я не берусь судить по глубине, а просто внешне даже. Приход, община, а потом возникло из разговоров, из моего знакомства слово *братство*. Это третья ступень. И тут для меня стало, как на фотографии, которую проявляют, проступать еще одно понятие — Свято-Филаретовский институт, который был и внутри этого, и шире этого. Не все были в этом институте, но он существовал постоянно.

Чем же я отличался от этих людей? Да тем, что я был крещен в ту пору, когда церковь была рада, что кто-нибудь приходит.

И начали приходить люди. И поэтому крещение было скорее на доверии.

А здесь — доверие само собой, но есть еще другое — катехизация. То есть происхождение школы церкви. Прохождение ступеней, которые дают и право, и полное, объемное ощущение себя в церкви.

Когда я узнал, сколько длится катехизация, я, честно говоря, ужаснулся. Я приложил это к своему времени, к своим обязанностям житейским, к своей работе. Думаю: батюшки, как же это, это так трудно! Я стал этих людей спрашивать: «Как вам это удается?» И был поражен, когда услышал простые слова, которые всегда говорят в церкви: «С Божьей помощью», — говорили мне люди.

* Интервью состоялось осенью 2009 г.

ИСКУССТВО И ВЕРА

Интервью с С.Ю. Юрским

Но оказалось, что они могут сформулировать то, что касается катехизации, гораздо подробнее. Это интересно, это важно, это необходимо, и оглашение, и оглашенные, которые должны слушаться возгласа «Изыдите!», а потом, со временем должны, наоборот, остаться и войти. Это — те самые ступени, которые люди проходят радостно в некоторых приходах, связанных с этим институтом, в некоторых братствах. Иногда год, а иногда больше года длится это обучение своих взаимоотношений с церковью, с Богом и с верой.

Дальше я, конечно же, познакомился с о. Георгием. Я не буду все сейчас пересказывать, скажу только, что я был сам лично свидетелем на одной из служб, опять же в переполненном этом храме, который меня очень привлекал, как внедренный туда человек, второй священник, на мой непросвоенный взгляд просто на наших глазах «свихнулся». Когда начался его патологический бунт против о. Георгия.

А. Алиева: Вы были там?

С.Ю. Юрский: Я был! Я видел это сам, не по рассказам. Чужой, чужой человек, которому вот все то, о чем я говорю, весь этот строй был — то ли по наущению, то ли по внутреннему его складу — выносим.

Оказалось, что это веками освященное дело, против которого вообще никто не может встать, разве что внешний враг, может вызвать изнутри неприятие. Потом уже на разных перекрестках жизни я встречался с людьми из других братств, связанных с этим движением, с именем о. Георгия. И я понял и ощутил самостоятельность этого служения, этой общины, этого братства. Ведь церковь в ее обычном формальном серьезном служении, вообще говоря, самодостаточна. И вопросы, скажем, культуры и особенно искусства для нее — вопросы сторонние, так же как и вопросы личного сомнения человека (а сомнения, на мой взгляд, — это прекрас-

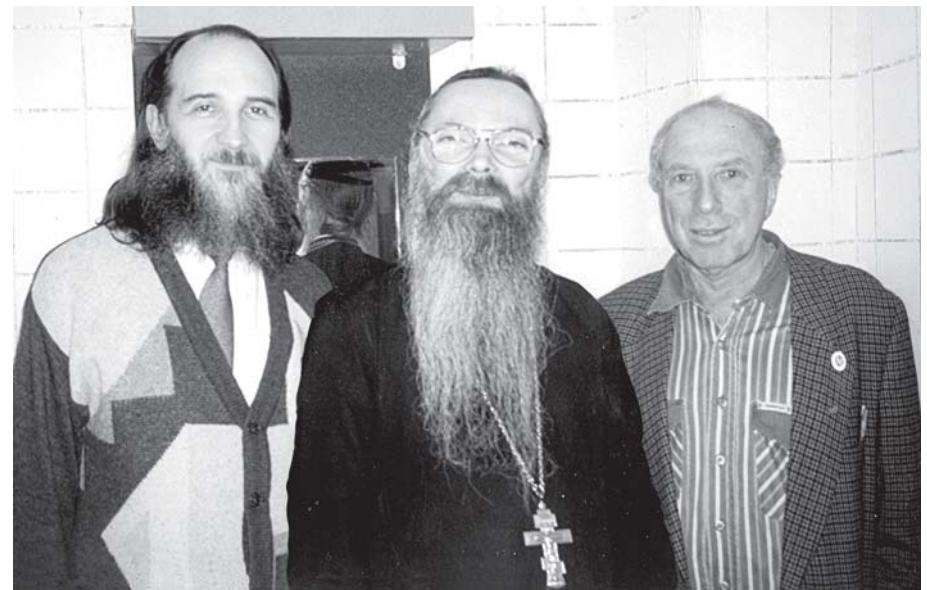
С.Ю. Юрский на богослужении в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках

не чувствуют себя даже пусть не христианами, но живущими в стране, в которой корни искусства, корни культуры все идут из христианства — то это не просто потеря, это катастрофа.

При соединении вот этих двух вещей — вера-церковь и вера-искусство, вера-культура — никогда не будет полного единения, всегда будут противоречия. Потому что искусство — это вещь, которая сомнения выносит на публичное рассмотрение. Сомнения, страсти. А это людская жизнь. Она — про них, она не может идти просто по канону, который, скажем, говорит о том, что потеряв близкого человека, ты не особо страдай, страдай в меру, оплачь, но знай, что он идет к Богу. А искусство — искусство не подчиняется этому. Это противоречивая вещь. Но попытка соединить делает людей шире.

Делает людей мирских не притворяющимися не мирскими, когда они входят в церковь.

А церковных людей делает не глухими, когда они входят в мир (дескать — «я это просто перетерплю...» вот они так

В трудные времена несправедных прещений 1997-2000 гг. Справа налево: С.Ю. Юрский, свщ. Георгий Кочетков, А.М. Копировский

но, это необходимая вещь, это тоже внутренние ступени жизни). Священник может выслушать эти проблемы на исповеди, но скажет лишь: «Постись и молись. Потому что все, что стороне церкви, я отбросил — и ты отбрось». Здесь же я увидел другое. Я увидел то, что отличает о. Георгия от очень многих сегодняшних пастырей. Он — соединитель. Потом я это же увидел в тех, кто считает себя его последователями и учениками, прежде всего в очень близком и просто другом моем теперь о. Иоанне Привалове. Это люди, которые стремятся культуру и искусство сами в большей степени понять, в искусство принести свою веру, которую, прямо скажем, искусство до неприличия теряет. Совсем не обязательно, чтобы все люди искусства ходили в церковь. Это не приказательное дело. Но если в стране России некий уровень табуирования в искусстве нарушается совсем, если люди

живут, если придут в церковь, я им еще и еще раз скажу то, что знаю, а сам не буду особенно их слушать, потому что все, что они делают — грех, все, что они делают — нарушение»).

А жизнь — она и есть нарушение. Обязательное. В большом, в малом, я не говорю о преступлении, я говорю о нарушении, покаянии и том синтезе, который не знаю, каким словом определить, который есть молитва благодарственная или молитва просительная.

Вот этот соединитель, о. Георгий, стал, мне кажется, за те годы, что я его знаю, за последнее пятнадцатилетие, одной из крупных международных фигур. И его отличие не только в том, что в мире, который религиозно становится отдельным, только так, а вы иначе. Это не только экуменический дух, который приемлет существование другого, не закрывается от него, оставаясь своим и постигая себя.

Это еще и внутренний рост всех тех, кто принадлежит к этой общине. Духовный рост.

Поэтому это движение к миру в лучших — даже ошибочных иногда, но все-таки лучших, скажем, талантливых — его проявлениях.

Это попытки сблизить культуру, искусство — и церковь, Бога, веру. Такие попытки были в начале XX века, и они всегда рушились. Рушились жесткостью и излишней государственностью церкви. И рушились свободолобием и анархизмом, который в результате вел тоже к разрушению тех, кто занимается культурой, тех, кто занимается искусством.

Это соединение того, что есть общее, присутствие при общей молитве. Принято думать: священник за нас молится, а мы присутствуем и благодарим священника. Здесь другое: мы вместе с ним, он предстает перед нами, но мы абсолютно вместе с ним, мы не присутствуем, мы участвуем. Это я тоже наблюдал.

И наконец, это движение вглубь.

Просту говоря, люди, которые меня все больше удивляли, прихожане этого храма, оставшиеся верными, когда общину этого храма лишили, когда пришло жест-

На освящении братского дома
19 августа 2008 г.

кое давление со стороны высших церковных властей, когда этот бунт безумного человека оказался почему-то очень важным для высоких чинов церкви, эти люди, сохранившиеся вокруг о. Георгия, эти отпочковывающиеся братства, которые уже живут самостоятельно — они все самостоятельны. Они личности.

Вот что меня в результате удивило в том служении, которое велел о. Георгий и которое оказалось столь влиятельным для очень многих людей: личности.

Теоретически говорят, что христианство, родившееся из иудаизма и вступившее с ним в очень сложные и противоречивые отношения, было пробуждением личности. В Ветхом Завете был народ в целом: «мы стоим», «колено Израилево»... Здесь — личности.

Значит, это движение к Богу столь же важно, как и движение внутрь себя. Самосознание. Пробуждение самосознания. И в этом самосознании очень важно не впасть в эгоизм, для чего и нужно братство, потому что нужно коррелировать свои внутренние эгоистические открытия с открытиями других. Есть требование: интересоваться ими и сочетать взаимоотношения людей по горизонтали с усиленным движением по вертикали, т. е. к Богу, с захватом всего того, что создано людьми, т. е. с миром, т. е. с культурой и искусством, к чему, по профессии, принадлежу я.

Вот это соединительство сделало для меня о. Георгия, его мужественное, с преодолением очень многих препятствий, постоянное служение примером жизни в сегодняшнем времени. И отдельно от всего скажу о моем изумлении перед его силами, которые ну когда-нибудь должны начать иссякать, но они нарастают. Он их черпает в том, что деятельность эта содержательна. Это не бесконечный повтор того, что является заданным традицией. Это повтор, каждый раз освещающийся сегодняшним днем, сегодняшним взаимоотношением людей.

Люди все те же. Очень много тех же людей на тех службах, которые бывают там, в институте. Ну, сколько раз можно повторять одни и те же слова молитв? Возносить их перед теми же людьми и слышать тот же ответ? Я, как актер, это принимаю. Я знаю, что в плохой пьесе на пят-

надцатый раз уже что-то во рту мешает, что-то больно произносить. Хорошую пьесу можно и должно играть сотни раз. Здесь не пьеса, здесь Священное писание. И все-таки бесконечный повтор для тех же людей одних и тех же слов возможен только тогда, когда есть вот это улавливание смысла сегодняшнего дня.

Я думаю, что великолепное отличие не только в проповедях, но и в самом произнесении ритуальных, обязательных слов. Я вместе со всеми Вашими прихожанами, с Вашими братствами, с Вашими друзьями, с Вашими почитателями во многих странах, окружающих нас, и дальних странах мира, я кланяюсь Вам за Ваше служение и восхищаюсь Вами. И желаю Вам бесконечно долгого движения в этом направлении.

Оно плодотворно.

А. Алиева: Сергей Юрьевич, Вы сейчас говорите о братствах как о неких самостоятельных единицах, об их жизни. Какова роль не только о. Георгия, но и всех братств в современном российском обществе?

С.Ю. Юрский: Все, что я сказал до сих пор, носило сугубо оптимистический характер, потому что действительно все это доказано жизнью.

А теперь я, в силу моего характера, перейду к другой стороне — сомнений, а может быть, даже и пессимизма.

Есть ли их роль в обществе? И что такое общество? Общество — это что же? Народ?

Тут у меня сомнения.

То, что растет число братств, то, что сохраняется потенциал каждого братства, а это я знаю и вижу, это прекрасно. Есть ли ощущение, что будет все шире, шире, шире... короче говоря, что будет что-то похуже на партийную жизнь с последующим «голосованием и привлечением большинства на свою сторону»? Вот тут у меня нет уверенности. А иногда нет уверенности, что это нужно.

Я говорил, что братства преодолевают эгоизм человека, но есть еще некоторый эгоизм группы, которая становится самостоятельной. Эта проблема, наверное, стоит. Это я хотел бы спросить. Как на сегодняшний день, на сегодняшнем этапе — миссионерская деятельность в братствах, она существует? Если существует, то в каком виде? Наверняка должна быть. Но в каком виде?

Есть ужасная русская традиция — все делать через власть. Она многовековая, поэтому можно, скажем, попытаться спаяться с местной властью и с ее помощью миссионировать.

Вот тут, опять же, мои поздравления: я знаю, что ни СФИ, ни те, кто идут за о. Георгием Кочетковым, этим заниматься не будут.

Не будут. А в России это «положено».

Газета «Кифа» — хорошая очень газета, но можно бы какого-нибудь такого крупного миллионера привлечь в общину, да получить с него деньги, да не на что-нибудь, не на строительство, а на то, чтобы газета «Кифа» продавалась в аэропортах или раздавалась в самолетах. Активизироваться.

Я не верю, что церковь и братство, и искусство, и театр могут преобразовывать общество.

Это фермент, а не новая консистенция какающей-то.

Это фермент. Он важен. Он существует.

Но для того, чтобы он начал действовать, чтобы он проявился, должно быть изменение желания самой массы — того, на что мы влияем.

Эти изменения пока, на мой печальный взгляд, идут в обратную сторону.

А фермент — он существует, он изготовлен, он готов действовать.

Я вижу, что люди, которые принадлежат братствам, выдерживают иногда просто физические колоссальные нагрузки — по переездам, по стоянию на долгих службах, а потом физическим работам во благо братства и общению.

Как можно выдержать? Выдерживают. Фермент этот создан. Предполагать, что он заменит собой саму массу или массу вберет в себя, думаю, не стоит. А если вдруг это начнет происходить, по каким бы то ни было причинам, раствор станет жиже, и фермент ослабнет. Но главное — в том, что он есть, и это громадное достижение.

Фрагменты интервью были опубликованы в виде видеосюжетов на сайтах <http://sfi.ru> и <http://psmb.ru>. Полностью интервью публикуется впервые.

Пушкинский герой

Благотворительный концерт
С.Ю. Юрского в СФИ в июне 2002 г.

мы всегда радуемся и благодарим Бога, когда наше общение, пусть такое порой «пунктирное», как-то вдруг актуализируется, и не чувствуется никакого разрыва или перерыва.

Сергей Юрьевич — человек очень искренний и горячий, творческий, ищущий, и когда он выступает — это всегда очень живое слово. И мне кажется, что он никогда не «играет» ни радость, ни искренность, ни восторг: он такой, какой есть, в общении, потому что перед лицом Божиим ничего не надо специально «представлять» и показывать. В церкви человек раскрывается какими-то удивительными гранями, и Господь действительно являет его лик, его подлинную глубину. И действительно, Сергей Юрьевич, мне кажется, очень много потруился для того, чтобы в годы тяжелых, советские, в человеке проявился образ Божий — так, как он действительно по-евангельски может проявиться. Это происходило и в тех случаях, когда ему приходилось — как всегда, гениально — играть тех людей, которые к этому образу имели порой мало отношения. Ведь его тонкое понимание человеческой души, ее природы, душевных и духовных движений всегда показывает меру подлинного знания глубины человеческого сердца и помогает другим людям прикоснуться к этой глубине.

То, о чем я говорю, — это мое личное к нему отношение, хотя я не могу сказать, что мы как-то отдельно знакомы — нет, только в братстве. Но церковь, которая живет как братство, община, братским духом, она и позволяет действительно прикасаться друг к другу сердцем — вот как Сергей Юрьевич открылся и продолжает открываться в таком общении. В церкви и раскрывается подлинная глубина и высота, возможность, дарования, таланты человека и его подлинный дар от Бога. Мне кажется, что в тех ролях, которые Сергей Юрьевич играл, которые, может быть, наиболее всем запомнились, проявились, с одной стороны, хрупкость, «хрустальность» человеческого сердца, а с другой стороны — его скрытая мощь.

Ему удалось то, что, может быть, редко кому удается. Он нашел и ищет, и, самое главное, в себе являет не просто «мост» между церковью и культурой — не надо этот мост специально строить — но он никогда не играет в церкви роль человека внешнего, «представителя культуры», а в своих ролях — и в театральных спектаклях, и в кинематографе — он никогда не «играет» члена Церкви, не стилизуется, не позиционирует себя как-то нарочито как человек верующего. Он всегда равен себе. И тем самым он показывает подлинную глубину человеческого сердца и возможность жить по правде и по совести (за что он, как мы знаем, претерпел в советские годы) и продолжает «распахивать» человеческое сердце, его все время «боронить», углублять, разрыхлять для евангельского семени, давая возможность этому семени упасть на благодатную почву.

Зоя Дашевская

Материалы разговора подготовлены А.Алиевой, С.Андросенко и др.

